

МАРУСЯ

КЛИМОВА

МАРУСЯ
КЛИМОВА

**РАСТОПТАННЫЕ
ЦВЕТЫ
ЗЛА**

(МОЯ ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ)

АСТ
Москва

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)
К 49

Климова, Маруся

К 49 **Растоптанные цветы зла. Моя теория литературы / Маруся Климова.** – Москва: АСТ, 2015. – 320 с. – (Без цензуры)
ISBN 978-5-17-087264-0

Маруся Климова – автор нескольких прозаических книг, которые до самого последнего времени издавались крайне ограниченными тиражами и закрепили за ней устойчивую репутацию маргиналки, нищешанки и декадентки. Редактор контркультурного журнала «Дантес». Президент Российского Общества Друзей Л.-Ф. Селина. Широко известны ее переводы французских радикалов: Луи-Фердинанда Селина, Жана Жене, Моник Виттиг, Пьера Гийота и других. В 2006-м году Маруся Климова была удостоена французского Ордена литературы и искусства.

«Моя теория литературы» по форме и по содержанию продолжает «Мою историю русской литературы», которая вызвала настоящую бурю в читательской среде. В своей новой книге Маруся Климова окончательно разрушает границы, отделяющие литературоведение от художественного творчества, и бросает вызов общепринятым представлениям об искусстве и жизни.

ISBN 978-5-17-087264-0

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)

© Маруся Климова, текст
© ООО «Издательство АСТ», 2015

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Девяностые годы: история слов

В начале было слово, и это слово было... «бесы»! Насколько я помню, именно этим словом на заре девяностых лишившиеся власти коммунисты пытались всячески уязвить либералов-реформаторов, а те, в свою очередь, обзывали им коммунистов. Коммунисты усматривали в действиях либералов, разваливших СССР, некое сходство с революционерами, разрушившими Российскую империю, а либералы, соответственно, видели в коммунистах прямых наследников этих революционеров. Впрочем, если уж быть предельно точным, то слово «бесы» вошло в широкий обиход чуть раньше, еще в конце восьмидесятых, правда, тогда оно перескакивало от либерально настроенных членов КПСС, прозванных позднее «прорабами Перестройки», к ее консервативному крылу, и уже только потом пошло дальше по кругу. Но в любом случае, девяностые в России начались именно с этого слова! Короче говоря, слово «бесы» перебрасывалось из одного политического лагеря в противоположный, будто резино-

вый мячик в игре под названием «горячий мяч», участники которой — как правило, маленькие мальчики и девочки в коротких юбочках и штанишках — не могут подолгу задерживать его в руках, чтобы «не обжечься».

Вряд ли есть необходимость уточнять, что это обидное слово попало в политический жаргон вовсе не из церковного словаря, а из романа Достоевского. Достоевский же, в свою очередь, тоже почерпнул его вовсе не из Библии, а из известного стихотворения Пушкина, о чем красноречиво свидетельствует эпиграф его романа: «Хоть убей, следа не видно, // Сбились мы, что делать нам? // В поле бес нас водит видно // Да кружит по сторонам». Не знаю почему, но с некоторых пор всякий раз, стоит мне перечитать эти строки, в моем сознании невольно всплывает история, которую я некогда услышала от своей знакомой, работавшей экскурсоводом в Эрмитаже много-много лет назад, в ту пору, когда его еще возглавлял отец нынешнего директора. Один очень старый сотрудник музея — рамщик, то есть замечательный специалист по рамам, которые он всегда тщательно шлифовал и только затем покрывал специальным раствором, в общем, мастер на все руки, всеми уважаемый и любимый пожилой человек с благородной сединой на висках (кажется, его звали Петр Станиславович, если не ошибаюсь), — однажды без стука ввалился в кабинет к директору и обратился к нему с неожиданной просьбой: «Борис Борисович, помогите, за мной черти гонятся!» После этих слов он выскочил из кабинета сломя голову, помчался по длинным коридорам и, выбежав на улицу из директорского подъ-

езда, встал на четвереньки у Зимней канавки и начал жадно пить воду из лужи. За этим занятием его и застала подоспевшая «скорая». Ну а несколько месяцев спустя Петр Станиславович повесился.

Финал этой истории чем-то отдаленно напоминает развязку романа Достоевского «Бесы», хотя вся история в целом все-таки больше ассоциируется у меня с пушкинским стихотворением. Последнее вообще кажется мне гораздо более жизненным, чем роман, сюжет которого, кстати, был почерпнут Достоевским вовсе не из жизни, а из газет — об этом тоже не стоит забывать. Впрочем, все это не столь важно, так как в данном случае меня гораздо больше интересует само слово «бесы», с которого, собственно, все и началось в девяностые годы. Не сомневаюсь, что подавляющее большинство тех, кто с таким остервенением обрушивал это слово на головы своих идейных противников, не читали произведения Достоевского, хотя бы потому, что оно никогда не входило в школьную программу. Тем не менее крайне оскорбительный оттенок, который приобрело слово «бесы» к началу девяностых, как я уже сказала, напрямую связан именно с названием романа.

Все предельно просто. Книга долгое время находилась под запретом, потом была издана, но с купюрами и не слишком большим тиражом, то есть все равно оставалась труднодоступной. И скорее всего, это полулегальное существование книги чисто механически было перенесено людьми и на ее название, которое тоже стало как бы слегка табуированным, как это бывает, например, в случае с так называ-

емой обценной лексикой, на которую обществом тоже накладывается своеобразное табу. Правда, слово «бесы», конечно же, нельзя полностью поставить в один ряд с матом. Если уж говорить об аналогиях, то «бесы» следовало бы, вероятно, поместить в один ряд с таким словом, как «козел». Последнее, не являясь матом, тоже считается едва ли не самым страшным оскорблением в уголовной среде, ничуть не меньшим, чем в начале девяностых было слово «бесы» в среде политической. В пользу этого сближения говорит и то, что слова «коза» или «козленок», то есть с переменной пола или возраста означаемого, уже начисто лишаются своего оскорбительного значения, точно так же, как и слова «бесовка» или же «бесенок». Правда, уголовная среда мне абсолютно чужда и мало знакома, поэтому я не могу до конца понять, откуда взялся этот оскорбительный и угрожающий смысл слова «козел», тогда как со словом «бесы» мне все более-менее ясно.

Короче говоря, в начале девяностых политические противники довольно продолжительное время упорно обзывали друг друга одним и тем же словом. Однако, видимо после того, как каждый из них достаточно большое число раз побывал в шкуре «беса», это слово несколько утратило свою первоначальную остроту и свежесть. Нечто подобное, между прочим, произошло и с другими ранее табуированными русскими словами (я имею в виду мат), которые тоже слегка затерлись от частого употребления. А на судьбе слова «бесы» негативно сказался еще и тот факт, что с одноименного романа были окончательно сняты все табу и ограниче-

ния, и он стал издаваться и переиздаваться наряду с «Дон Кихотом», Толстым и другой мировой классикой. В общем, постепенно слово «бесы» утратило свою былую актуальность и к настоящему моменту практически сошло на нет, а точнее, обрело абсолютно нейтральное значение и воспринимается сегодня уже почти как «шкаф», «стол», «стул», «зонтик» и другие наименования предметов обихода. Тогда как за «козла» в определенной среде, к которой я, как уже сказано выше, к счастью, не имею абсолютно никакого отношения, судя по всему, по-прежнему кое-кому приходится «отвечать».

Не могу сейчас сказать точно, кто почувствовал истощенность этого понятия раньше других, но как-то незаметно на смену «бесам» пришло слово «большевики». Хотя, кажется, все-таки первыми так начали называть своих оппонентов-либералов коммунисты, имея в виду революционные перемены в стране и крушение СССР. Ну а те, видимо, понимая, что нет никакого смысла обзывать коммунистов «большевиками», так как последнее слово вроде бы и без того всегда было синонимом первого, вернули его назад в слегка измененном виде, прибавив к нему приставку «национал». Получилось «национал-большевики» — с намеком на печально известных «национал-социалистов». Чуть более редким вариантом этого сложного образования стало определение «красно-коричневые» с абсолютно идентичной этимологией.

Таким образом, от некогда объединявшего всех понятия «бесы» постепенно отпочковалось два новых: «большеви-

ки» (которое закрепилось за либералами-реформаторами) и «национал-большевики» (относящееся теперь, главным образом, к членам Компартии Российской Федерации). Однако эти сбалансированные паритетные отношения между идейными противниками длились совсем недолго, а точнее, ровно до того момента, когда писатель Лимонов и его сподвижники сами с гордостью стали называть себя «национал-большевиками». Популярность вновь возникшего объединения среди молодежи сделала дальнейшее употребление этого словосочетания в уничижительном значении совершенно бессмысленным, потому что отныне оно вызывало вполне определенные ассоциации, не имеющие уже никакого отношения к тем, для кого первоначально предназначалось.

В результате коммунистов все окружающие, включая их самых ярых противников, постепенно снова начали называть просто «коммунистами», национал-большевики стали называться «национал-большевиками», и только за радикально настроенной группой либералов так и закрепилось обидное для них погонялово «большевики».

Таким образом, лишившиеся власти и многих сопутствующих ей привилегий и благ коммунисты, судя по всему, сегодня должны испытывать глубокое моральное удовлетворение, так как последнее слово во всей этой перепалке все-таки осталось за ними.

Ну а самым ключевым понятием девяностых с положительным значением бесспорно стал «профессионализм». Невозможно передать, сколько раз и при каких обстоя-

тельстввах мне приходилось наталкиваться на это слово за прошедшее десятилетие! Граждане России спят и видят, чтобы ими управляли по-настоящему профессиональные правительство и парламент; об экономике и говорить нечего; армия, само собой, тоже должна стать профессиональной; литературные критики в один голос твердят о нехватке в нашей литературе подлинных профессионалов, которые наконец-то смогли бы порадовать отечественных читателей ладно скроенными повестями, романами и детективами с занимательными сюжетами; кинокритики, естественно, озабочены тем же... В правоохранительных органах, в спорте, науке, образовании, среди астрологов, магов и колдунов — повсюду ощущается одна и та же проблема: острая нехватка профессионалов! Никогда не забуду пафосного восклицания, которое лет шесть тому назад мне довелось услышать из уст участника очередного телевизионного ток-шоу, на сей раз посвященного вопросам религии: «Монашество — это институт профессионалов, которые профессионально молятся!» Пожалуй, только в одном-единственном случае, когда речь заходит о «профессиональной преступности» это магическое слово приобретает несколько негативный оттенок, да и то исключительно до тех пор, пока на экранах телевизоров не появляется какой-нибудь киллер. А как только он там появляется, с этого самого мгновения миллионы телезрителей, откинув все негативное, что когда-либо вызывало в их сознании слово «преступность», затаив дыхание, вместе с наемным убийцей начинают отслеживать в оптическом прище-

ле его винтовки потенциальную жертву. И только после того как раздастся точный выстрел, многомиллионная аудитория испускает удовлетворенный вздох облегчения и наслаждения. Я, конечно, не могу с уверенностью говорить сразу о миллионах. Скорее, в данном случае я просто сужу по самой себе и своим близким и, если так можно выразиться, предполагаю. Так вот, думаю, у меня есть все основания предполагать, что миллионы людей сегодня восхищаются прежде всего профессионализмом киллера — тем самым «настоящим профессионализмом», которого сегодня так не хватает отечественным политикам, милиционерам, врачам, учителям, военным и госслужащим и по которому так истосковались миллионы наших сограждан. Иными словами, профессионализм — это несбывшаяся мечта русского человека девяностых!

Занимаясь переводами Селина, мне довелось на протяжении нескольких лет наблюдать за повторным вхождением этого автора в отечественную литературу, которое состоялось после довольно длительного перерыва, поскольку в Советском Союзе, как известно, книги Селина долгое время не переиздавались и не переводились. И постепенно я пришла к выводу, что Селин в наши дни в России не имеет никаких шансов быть воспринятым читателями иначе, как профессионал, который только и делал, что целыми днями просиживал за письменным столом, по несколько раз переписывая каждую страницу и прилежно выводя свои внешне кажущиеся столь беспорядочными восклицательные знаки и знаменитые многоточия, дабы сымитировать экспрессив-

ность устной речи и сохранить разговорные интонации в письме. Как ни грустно это осознавать, но, в конце концов, мне пришлось смириться с мыслью, что даже кропотливый труд переводчицы книг Селина, видимо, не идет ни в какое сравнение с трудолюбием и старательностью самого автора! И опять-таки исключительно за профессионализм и старательность отечественные читатели сегодня готовы простить Селину и его сотрудничество с фашистами, и антисемитизм, не говоря уже о множестве более мелких прегрешений.

И, наконец, еще одно слово, которое более или менее отчетливо прозвучало уже на закате девяностых и, можно сказать, подвело черту под целым десятилетием. Вхождение этого слова в широкий обиход тоже напоминает мне вполне реальную историю, которую я некогда услышала от моего приятеля, проведшего несколько лет своей жизни в дурдоме на Пряжке. Однажды к ним в палату поступил глухонемой, который был не в состоянии произнести ни одного слова, а только все время издавал какое-то невнятное мычание, в общем, что-то вроде «му-му». А так как этот бедняга был обнаружен на вокзале, да еще и без каких-либо документов, удостоверяющих его личность или хотя бы имя, то все вокруг — медперсонал и другие пациенты — вскоре стали его так и называть: «Му-му».

Вот так и в девяностые годы в отечественной культуре появились целые группы писателей, поэтов, художников и теоретиков искусства, вышедших, главным образом, из так называемого андеграунда, которые в своих публичных

дискуссиях начали изъясняться на непонятном для обычных людей языке, то и дело вставляя в свои выступления и публикации слова и выражения вроде: «реконструкция деконструкции», «деструктивизм», «дискурс», «симулякры» и т. п. Естественно, окружающие далеко не всегда понимали смысл их туманных речей и текстов, а скорее всего, и вовсе ничего не понимали. Тем не менее они постепенно вычленили одно слово – такое, что повторялось больше всего. В результате, как и в случае с глухонемым на Пряжке, всех писателей, поэтов, художников и теоретиков искусства, изъясняющихся на этом загадочном языке, стали называть «постмодернистами». Просто потому, что слово «постмодернизм» произносилось и писалось теми чаще остальных. Безо всякого преувеличения можно сказать, что вхождение термина «постмодернизм» в русский язык произошло именно так, и никак иначе! Если бы наиболее часто употреблялось любое другое из перечисленных мной выше слов, то отечественные постмодернисты вполне могли бы сегодня называться и «дискурсистами», и «деструктивистами» или даже «реконструктивистами деконструктивизма».

И все бы ничего, однако представители традиционного крыла отечественной культуры, а именно: издававшие виды члены Союза писателей, литературоведы и критики из «толстых» журналов плюс их более молодые ученики и последователи, выходцы из всевозможных литобъединений и Литинститута, – вдруг обнаружили очевидную параллель между тем, что в свое время сотворили с Советским Сою-

зом радикальные либералы, а также их прямые предшественники — большевики — с Российской империей, и тем, что учинили с русской культурой, духовностью и, само собой, с Союзом писателей, все эти новоявленные «постмодернисты». Короче говоря, если особенно не вдаваться в детали, то можно сказать, что постепенно слово «постмодернизм» фактически стало синонимом уже полностью затертого и утратившего к тому времени свою первоначальную свежесть слова «бесы». Правда, в определенной среде, а точнее, среди творцов отечественной культуры.

Естественно, те, кого вдруг недружелюбно настроенные коллеги стали обзывать словом, неожиданно обретшим столь неприятный смысл, не могли долго с этим мириться и очень скоро вернули его назад — тем, кто этому слову и приписал оскорбительное значение: мол, сами вы постмодернисты, почитайте хотя бы, что по этому поводу писал Деррида! Ну а последние, в свою очередь, опять переадресовали его тем, кого считали виновными в разрушении их привычного уклада жизни и творчества, а таковых, как постепенно выяснилось, оказалось гораздо больше, чем первоначально предполагалось. В результате за последние годы в шкуре постмодернистов успели побывать фактически все российские писатели, поэты, художники, певцы, музыканты и теоретики искусства, включая таких, кто никогда не слышал этого слова, не то чтобы как-то специально вникать в его смысл. Недавно я даже натолкнулась на утверждение, что единственными настоящими